

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происшествие у первого подъезда

Дождь лил как из ведра. И это в мае! Нет, конечно, гроза в начале мая — дело хорошее, но это гроза. Она отгремит и готово, снова солнышко, и хочется наслаждаться жизнью. А если уже середина мая, а дождь зарядил на три часа, как в ноябре, и в небе никакого просвета? Юра так ребятам и сказал. И все с ним согласились.

Вот уже два часа ребята сидели на лавочке у первого подъезда под козырьком, и это единственное, что они могли себе позволить. Их было пятеро. Три мальчика и две девочки. Мимо в дом пробегали жильцы, кося на них недовольными и даже опасливыми взглядами, словно это были какие-нибудь хулиганы или хуже того, наркоманы. Ничего подобного!

Это были самые обыкновенные восьмиклассники из второй гимназии. Никто из них даже не курит и не пьет пиво. Они просто собрались, чтобы пообщаться вне уроков. Если бы не дождь, их бы здесь не было. Уж они бы нашли место получше. Но дождь все испортил.

— Вот так всегда, — рассуждал Юра Цветков, полноватый добродушный мальчишка в элегантных, совершенно не портящих его очках, — планируешь жизнь, строишь грандиозные планы, но вмешается в них дождь, и пиши пропало. Прямо как у Пушкина.

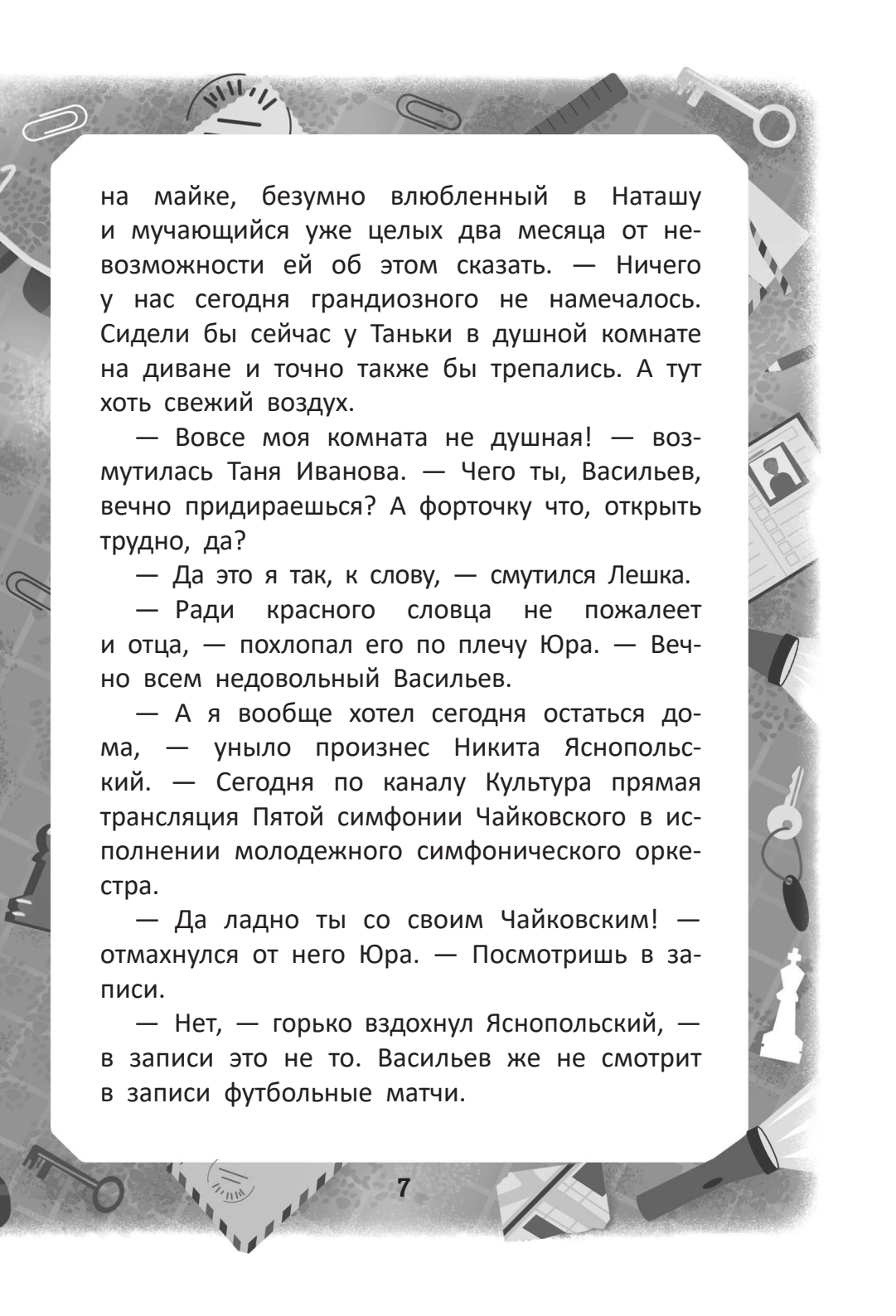
— Это где это у Пушкина дождь разрушил кому-то жизнь? — оживилась Наташа Воронцова, страстная поклонница творчества великого русского поэта. Именно около ее подъезда друзья устроили встречу.

— Как где? — ответил Цветков. — «Метель». Есть такая повесть.

— Так там же метель, а не дождь, — удивилась Наташа.

— Какая разница? Дождь! Метель! Природная стихия.

— Да ладно, — вмешался в разговор Лешка Васильев, высокий черноволосый парень спортивного телосложения, с Виктором Цоем

на майке, безумно влюбленный в Наташу и мучающийся уже целых два месяца от невозможности ей об этом сказать. — Ничего у нас сегодня грандиозного не намечалось. Сидели бы сейчас у Таньки в душной комнате на диване и точно также бы трепались. А тут хоть свежий воздух.

— Вовсе моя комната не душная! — возмутилась Таня Иванова. — Чего ты, Васильев, вечно придираешься? А форточку что, открыть трудно, да?

— Да это я так, к слову, — смутился Лешка.

— Ради красного словца не пожалеет и отца, — похлопал его по плечу Юра. — Вечно всем недовольный Васильев.

— А я вообще хотел сегодня остаться дома, — уныло произнес Никита Яснопольский. — Сегодня по каналу Культура прямая трансляция Пятой симфонии Чайковского в исполнении молодежного симфонического оркестра.

— Да ладно ты со своим Чайковским! — отмахнулся от него Юра. — Посмотришь в записи.

— Нет, — горько вздохнул Яснопольский, — в записи это не то. Васильев же не смотрит в записи футбольные матчи.

— Ничего, обойдешься, — отрезал Цветков. — Дыши воздухом. У тебя кислородное голодание. Для легких это вредно.

— И зачем ты меня притащил? — Яснопольский горько вздохнул. Это был невысокий щуплый подросток, похожий на пятиклассника. Зато его знал весь город, потому что Никита играл на флейте и был победителем какого-то международного фестиваля и лауреатом всяческих музыкальных конкурсов. Яснопольского постоянно показывали по телевизору, а его фотография часто красовалась в городских газетах и журналах. — Какая польза в том, чтобы вдыхать сырость? К тому же у флейтистов легкие мощнее, чем у пловцов.

Но его ворчание никто больше не слушал. Только Таня Иванова, которая отличалась какой-то невероятной, доходящей до назойливости заботой об окружающих, сказала:

— Никита, у тебя шарфик вылез, давай я тебе его поправлю, а то ты можешь простудиться. Заболеешь и совсем перестанешь расти.

Никита, которого мать заставляла носить шарф до конца мая, покраснел и оттолкнул Таню руку, которая уже тянулась к его шее.

— Иванова, ты лучше за собой следи и не лезь в частную жизнь других людей.

— Чего? — удивилась Таня, нисколько не обидевшись. — Какую жизнь?

— Приватную, — пояснил Юра. — Это значит частную. Английский надо учить, Иванова.

— Зачем ты его вообще притащил? — кивнул на Никиту Лешка Васильев. — Он тут со своим Чайковским уже два часа никому покою не дает. Всех достал. Может, вызовем ему такси и отправим домой?

Никита посмотрел на Лешку с укором:

— Ну вот, теперь вы хотите от меня избавиться? Я всем мешаю. — Он опять горько вздохнул. — Конечно, трудно находиться рядом с человеком, который талантлив и успешен. Я понимаю. Мне, наверно, тоже было бы морально тяжело. Чужая слава давит.

Точно такие же слова он произносил, когда приглашал ребят на свои концерты, а они не хотели идти, потому что концерты у Никиты проходили очень часто и всем его репертуар надоел до чертиков. Но каждый раз приходилось идти и слушать Баха, Глюка и Шостаковича. Так что на эти его слова уже никто внимания не обращал.

Тут к ребятам, шурша веником и громко шлепая резиновыми калошами, подошла дворничиха Акулина Петровна. Это была низенькая,

но очень полная и сильно согнувшаяся старушка. Очень морщинистая и сердитая. Она вечно торчала во дворе, убиралась и ругалась с неосознательными жильцами. То есть с теми, кто, по ее мнению, нарушал чистоту и порядок. Работала она здесь с незапамятных времен и со всем не менялась. Никто даже не знал, сколько ей лет. Наташа уверяла как-то ребят, что Акулина Петровна была точно такой же, когда ее папа был маленьким. Жильцы звали ее просто Петровной. И вот эта самая Петровна окинула ребячью компанию подозрительным нехорошим взглядом и проворчала:

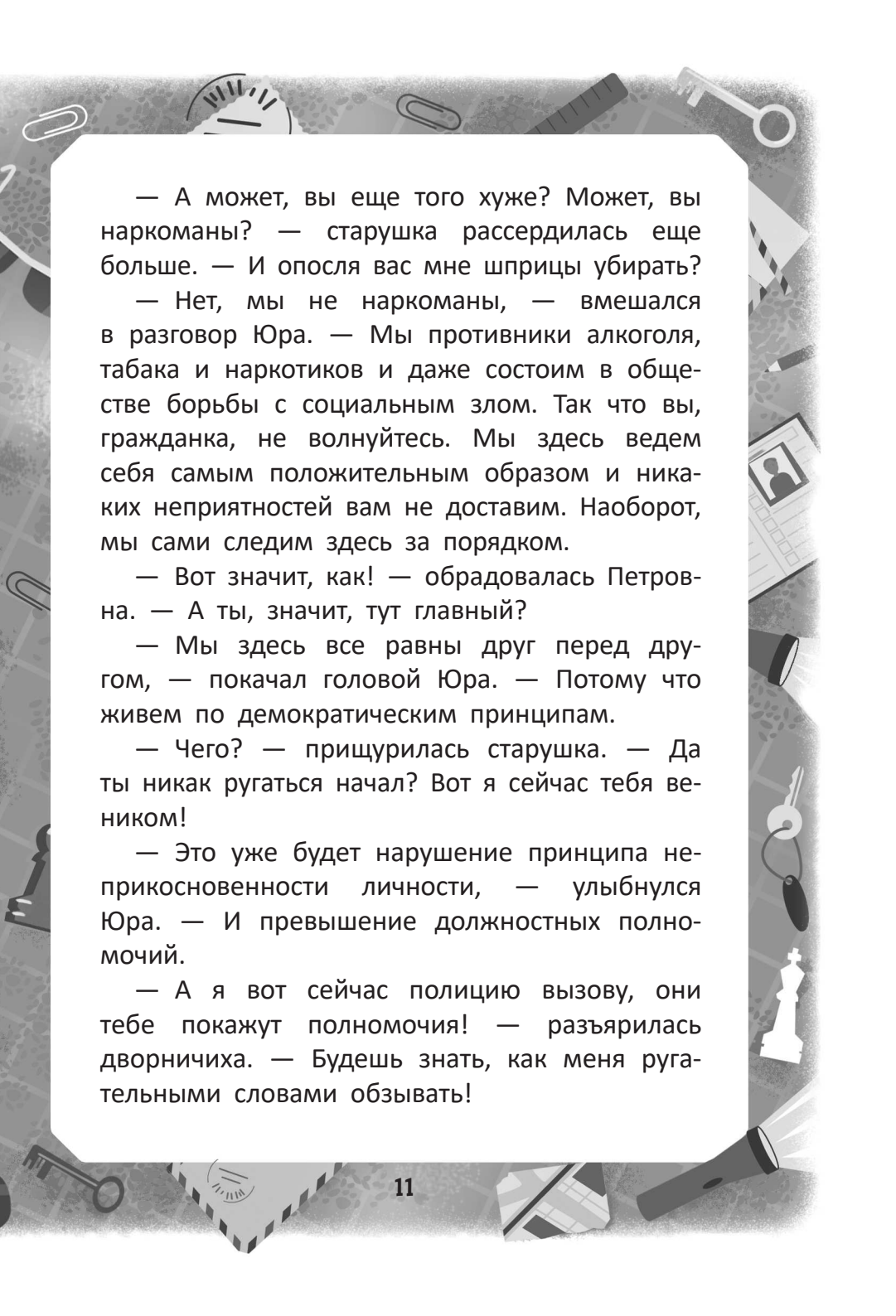
— И чего вы тут опять собрались? Чего вам тут надо? Что больше местов других нет, чтобы шалить?

— А мы не шалим, бабушка, — вежливо ответил ей Лешка Васильев. — Мы беседуем.

— Да, мы просто стоим и воздухом дышим, — добавил Юра.

— Знаем, каким это вы воздухом дышите, — тут же стала ворчать Петровна. — Сейчас отвернусь, вы сразу папиросы достанете и дымить начнете. А потом за вами окурки и плевки убирай. Безобразие!

— Мы, Акулина Петровна, не курим! — воскликнула Наташа. — Вот честное слово!

— А может, вы еще того хуже? Может, вы наркоманы? — старушка рассердилась еще больше. — И опосля вас мне шприцы убирать?

— Нет, мы не наркоманы, — вмешался в разговор Юра. — Мы противники алкоголя, табака и наркотиков и даже состоим в обществе борьбы с социальным злом. Так что вы, гражданка, не волнуйтесь. Мы здесь ведем себя самым положительным образом и никаких неприятностей вам не доставим. Наоборот, мы сами следим здесь за порядком.

— Вот значит, как! — обрадовалась Петровна. — А ты, значит, тут главный?

— Мы здесь все равны друг перед другом, — покачал головой Юра. — Потому что живем по демократическим принципам.

— Чего? — прищурилась старушка. — Да ты никак ругаться начал? Вот я сейчас тебя венником!

— Это уже будет нарушение принципа неприкосновенности личности, — улыбнулся Юра. — И превышение должностных полномочий.

— А я вот сейчас полицию вызову, они тебе покажут полномочия! — разъярилась дворничиха. — Будешь знать, как меня ругательными словами обзывать!

— Ой, не надо полицию! — всполошилась Наташа. — Акулина Петровна, это же Юра Цветков, лучший ученик нашей школы. Неужели вы его в полицию отправите?

— Этот, что ли, лучший ученик? — Петровна слегка смягчилась и, прищурив глаза, с ног до головы оглядела Цветкова. — Неужели отличник?

— Отличник, — согласился Юра.

— Так ведь отличники все дома в такую погоду сидят, уроки учат, — покачала головой старушка. — А не под дождем торчат.

— Да так уж получилось, — развел руками Юра. — А так мы все больше по домам. Видите ли, бабушка, когда стоит хорошая погода, нам гулять очень сложно.

— Это почему это? — удивилась дворничиха.

— А потому что в хорошую погоду все гуляют, и особенно хулиганы. А мы ребята мирные, мы хулиганов не любим. А во время дождя хулиганов, как правило, меньше. Так что мы всегда, когда идет дождь, выходим подышать воздухом.

— Ты чего выдумываешь? — зашептал другу в ухо Лешка Васильев. — Когда это я хулиганов боялся?

— Да это я так, чтобы ее задобрить, — про-

шептал в ответ Юра. — Старушки очень любят, когда им на хулиганов жалуются.

Так оно и было. Акулина Петровна сразу же прониклась к ребятам сочувствием и пониманием.

— А ведь верно, касатики. В хорошую погоду шагу ступить некуда, чтобы на хулигана не нарваться. Столько их сейчас развелось. Просто ужас! А вы, бедные, теперь только под дождем гулять и можете? Ах, бедолаги! Ну, тогда дышите, дышите. Я вам мешать не буду.

И она продолжила подметать, а потом вдруг прищурилась и говорит:

— Ой, боже праведный! Смотрите, Василий Иванович идет. Чего это он в дождь вылез? Вот бедолага! Неужели опять заблудился?

Все посмотрели в ту сторону, куда показывала Петровна, и увидели в сером мареве одинокую щуплую фигурку, медленно бредущую под дождем без всякого зонта.

— А кто это? — спросила Наташа.

— А бог его знает, — махнула рукой Петровна. — Иногда в нашем районе он появляется. Откуда приходит? Только милиция знает. Большой он на голову. Что-то у него с памятью. Ничего не помнит. Ни где живет, ни кто его родственники.

Ребята с жалостью посмотрели на старика. Роста он был маленького, телосложения хрупкого, ноги переставлял еле-еле. Когда ребята обратили на него внимание, он как раз добрался до скамейки, нещадно поливаемой дождем, и повалился прямо на нее. На дождь он внимания не обращал.

— Может, ему помочь надо? — спросила Наташа. — По-моему, этому человеку нехорошо.

— Конечно, надо помочь! — тут же согласилась Таня Иванова.

— Очень он людей боится, — покачала головой Петровна. — Шарахается от них, как от чумы. И плакать начинает, и кричит. Вы уж лучше его не трогайте. Ой, а что это с ним? Не иначе сердечко прихватило у бедолаги! Ой, беда! Беда!

Тут ребята увидели, как старик повалился на бок и чуть не свалился со скамейки на землю, после чего замер на месте.

— Ой, ребята! — воскликнула Таня Иванова. — Кажется, он умер. У него руки, как плети, и ноги тоже согнуты как-то не как у живого. Какой ужас!

— Да ладно тебе вздор нести! — воскликнул Юра Цветков и протер вспотевшие очки,

чтобы лучше видеть. — Ничего в нем необычного нет. Хотя, конечно...

— Да нет, — задумчиво сказала Петровна. — Девочка права. Василий Иванович, кажется, умирает. Давайте ему поможем. В смысле, не умереть, а помощь оказать.

И она с несвойственной старушкам прытью подбежала к скамейке. Ребята нехотя пошли за ней. Им было не по себе. Они никогда такого не видели.

Друзья подошли ближе и убедились, что старик действительно то ли умер, то ли потерял сознание. Он недвижимо лежал, упершись грудью в спинку скамейки, голова у него поникла, и по тщедушному истощенному телу хлестал дождь.

— Да, дела! Кажись, отмучился бедолага, — всхлипнула Петровна.

— Нет, — поевжившись и оправив шарф, сказал Никита. — Он еще жив. Вон у него пар из носа идет.

— Тогда надо скорую вызвать, — сказала Наташа и достала из сумочки мобильный телефон. — Жалко ведь человека.

— Лучше, чтобы скорую вызвал кто-нибудь из взрослых, — сказал Юра. — У них больше опыта в таких делах.